

Глубинка как фактор поэтики американского нарратива

УДК 82-9(73)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-97-110

Глубинка в южной готике

Ирина В. Морозова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irinamoro@gmail.com*

Аннотация. Американская готика представляет собой сложное культурное и литературное явление, обеспеченное региональной спецификой США. Под «зонтиком» термина помещаются две своеобразные традиции готической литературы – новоанглийская, в большей степени сфокусированная на погружении в глубины человеческой психики и тщательно фиксирующая различные рефлексии персонажей, и южная, обязанный своим появлением тяжелым переживаниям и размышлениям южан по поводу смерти мифологического прекрасного Юга в результате Гражданской войны. В силу специфической социокультурной жизни на Юге не было крупных урбанистических центров, сердцем Юга является глубинка, с характерной для нее укорененностью в традициях прошлого. Южная глубинка – скорее топос, обобщенное место разворачивания смыслов, связанных с уникальным южным опытом жизни, часто набор устойчивых фабульных формул, а также общих мотивов, проблем и сюжетов. В статье рассматриваются некоторые типические черты поэтики южной готики.

Ключевые слова: американская готика, южная готика, глубинка, южный локус, южный топос

Для цитирования: Морозова И.В. Глубинка в южной готике // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 97–110. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-97-110

The outback in Southern Gothic

Irina V. Morozova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, irinamoro@gmail.com*

Abstract. American Gothic is a complex cultural and literary phenomenon provided by the regional specificity of the USA. Two peculiar traditions of Gothic literature are placed under the “umbrella” of the term – the New England tradition, which is more focused on the immersion into the depths of the human psyche and carefully records various reflections of characters, and the Southern tradition, which owes its emergence to the heavy agonizing of Southerners on the death of the mythological beautiful South as a result of the Civil War. Due to the specific sociocultural life in the South, there were no large urban centers; the heart of the South is the outback, with its characteristic rootedness in the traditions of the past. The Southern outback is rather a topos, a generalized place of unfolding of meanings associated with the unique Southern experience of life, often a set of stable fable formulas, as well as common motifs, problems and plots. The article discusses some typical features of Southern Gothic poetics.

Keywords: American Gothic, Southern Gothic, backwoods, southern locus, southern topos

For citation: Morozova, I.V. (2025), “An outback in Southern Gothic”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 97–110, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-97-110

У Лесли Фидлера есть забавное высказывание об американской литературе, которая, по его мнению, была поразительно готической, нереалистичной и негативной, «садистской и мелодраматической – литературой тьмы и гротеска в стране света и доверия», где он противопоставляет мрачность художественного образа Америки оптимистическому коллективному представлению о стране [Fiedler 1998]. Собственно, готику он даже не выделяет в самостоятельный жанр, в другой своей работе высказывая мысль о том, что американская готика больше «патологический синдром», чем реальное литературное явление [Fiedler 1998].

Для другого известного исследователя готической литературы, Эрика Савоя, она «воплощает в себе и дает голос мрачному кошмару, который является оборотной стороной “американской мечты»» [Savoy 2002]. Тереза Годду также говорит о тьме как преобладающей черте готики, являющейся, с одной стороны, следствием

отсутствия у Америки истории, с другой – наличием пуританского наследия, поэтому американская готика, с ее точки зрения, удаляется от социума и уходит в сторону «глубоко запрятанной тьмы американской души» [Goddu 1997].

С этими высказываниями можно спорить или соглашаться, но одно очевидно – в большинстве своем американские авторы склонны рассматривать готику, во-первых, как нечто непосредственно связанное с жизненными установками Америки и ее социальным климатом, а во-вторых, они рассматривают ее как общую готическую американскую традицию, которая восходит к началу XIX в. – к творчеству Эдгара Аллана По и Натаниеля Готорна.

Данное утверждение представляется весьма проблематичным, ибо здесь мало учитывается собственно один из важнейших культурных феноменов страны, непосредственно формирующий и литературную традицию, – ее регионализм. Под одним «зонтиком» оказываются абсолютно различные по своей поэтике готические традиции: одна – связанная с новоанглийским культурным кодом со свойственной новоанглийской ментальности углубленной интроспекцией, а другая – южная, порожденная самой историей Юга, его неповторимой трагической судьбой.

Поэтика южной готики в значительной степени отличается от классического образца готической литературы. В работах писателей этого жанра на Юге нет ни мистических декораций, ни сверхъестественных явлений. Если авторы готических романов стремились отдалить своих героев от окружения, поместить их в необычайные обстоятельства, пространства, не имеющие отношения к повседневной жизни, увести героев как можно дальше от общества, то представители южной готики, напротив, делали их самыми заурядными жителями провинциального юга США и показывали их неразрывную связь с местом и социумом. Небольшие городки Луизианы, Алабамы, Теннесси, Миссисипи становятся главным локусом, в котором разворачиваются действия произведений южной готики. Пожалуй, единственное, что связывает южную готику с классическим образцом – это постоянное ощущение приближающейся катастрофы, являющееся одним из важнейших ключевых мотивов всей южнототической литературы. Как и в классической готике, южный писатель различными скрытыми намеками, предзнаменованиями и символами ведет читателя к развязке, ужасающе жестокой и трагической.

До Гражданской войны Юг позиционировал себя как гармоничное патриархальное сообщество, что выпукло проявилось в южном мифе с его главными мифологемами южного джентльмена, южной леди, черной мамушки, с его особым кодексом чести, который,

как указывает американский историк Бернард Уайат-Браун, по существу, является комплексом этических правил «наиболее часто встречающийся в социальных организациях небольших общин, где суждения о поведении подтверждаются единодушным решением общины. Целостность и неприкосновенность семьи, ясно понимаемая иерархия руководителя и подчиненного, предписанные индивидуальные и групповые характеристики являются ведущими ориентирами в решении общины. Под “предписанными характеристиками” следует понимать такие биологические детерминанты, как раса и цвет кожи, пол, кровное родство, физическое состояние и конституция, возраст и унаследованное социальное положение <...> честь – это моральная собственность всех, кто входит в общину, это то, что определяет право на ее существование как таковой» [Wyatt-Brown 1985, p. xv].

Привычный для готики локус пугающего дома в южном сознании был в первую очередь не физическим и даже не культурным, а этическим пространством, где человек, если использовать определение Лотмана, «обретает мир милой домашности, жизни, пропитанной культурой – духовным трудом предшествующих поколений, атмосферой любви, мир, из которого изгнана жестокость» [Лотман 1999, с. 273].

Жестокость, по мнению южан, в их общий дом вошла после Гражданской войны, и южная готика как жанр появляется только в XX в., но подготовительный период занял почти столетия, когда после проигрыша в Гражданской войне Юг оплакивал свое «проигранное дело», – довоенный Юг с его мифом о гармоничном патриархальном обществе, – грубо разрушенном северянами. Разоренный, униженный Юг долгое время не мог оправиться, чувство оскорбленного достоинства подкреплялось экономическими проблемами. Нищета и упадок, разрушение и смерть – все это порождало глубинное ощущение безжалостного мироздания, мироздания, утратившего Бога.

В разговоре о южной глубинке в южнотическом повествовании можно опереться на высказывание одного из современных творцов южнотического романа, Милтона О’Нила Уолша. Определяя специфический характер южной готики, Уолш, уроженец Луизианы, автор романов, получивших признание критики и читателей, в статье «Почему южная готика правит миром» выделяет сущностные стороны южной готики, которые мы постараемся раскрыть и проиллюстрировать.

Любопытна метафора велосипеда, которую использует писатель, определяя, что такое южная готика и в чем ее неиссякаемая привлекательность. «Южная готика, – пишет Уолш, – подобна

проверенному велосипеду <...> дело не только в том, что южане говорят слишком медленно, чтобы метафора автомобиля могла сработать. Скорее, это родство в том, как эти две вещи смонтированы и украшены <...>. Во-первых, руль. Южную готику направляет аутентичность. <...> “боги” жанра – это писатели, которые тратят свою творческую энергию на “почтовую марку” почвы под их ногами; писатели, которые знают, о чем говорят <...>. Покажите мне автора южнотического романа, который бы не был южанином, и вполне вероятно, я покажу вам плохой роман <...>. Южная готика всегда рождается из своей культуры»¹.

Действительно, южные писатели знают, о чем говорят. Южанка Кэтрин Э. Портер, например, была убеждена в том, что все серьезные литературные произведения основаны на жизненном опыте писателя. Действительно, творцы южнотического повествования родились и выросли в небольших южных городках: Фолкнер – в Нью-Олбани, Миссисипи, чье население даже сейчас не превышает 8 тысяч человек, а всю оставшуюся жизнь провел в Оксфорде, с современным населением чуть более 20 тысяч. Флэннери О’Коннор, говоря о своем городке Милледжвилл в штате Джорджия, утверждала, что живет в сельской местности, где разводит уток и фазанов. Детство Трумена Капоте и Харпер Ли прошло в маленьком городке Монровилл в юго-западной части штата Алабама, Карсон Маккаллера – в Коламбусе, штат Джорджия, Фэнни Флэгг родилась и выросла в Айрондэйле, пригороде Бирмингема, Донна Тартт – в городе Гринвуд, штат Миссисипи, А ведущий представитель южнотического современного романа, или, как называют его критики, «Иеронимус Босх южнотического романа» Гарри Крюз, так лаконично описывает место своего рождения: «Я родился 7 июня 1935 года в конце грязной дороги в графстве Бэйкон, Джорджия»². «Грязная дорога» – это своего рода метафора локуса и даже *locus terribilis* южнотического повествования.

И даже если детские годы писателя прошли в более крупных городах, даже столицах штатов, как, например, у Юдоры Уэлти в Джексоне, штат Джорджия, или у Томаса Вулфа в Ричмонде, штат Виргиния, все равно эти города с населением не более 200 тысяч трудно определить как урбанизированное пространство, поскольку

¹ Walsh M.O. Why Southern Gothic rules the world // The Guardian. 2015. 4 Jul. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/04/southern-gothic-fiction-harper-lee-go-set-watchmen> (дата обращения 20.01.2024).

² Crews H. Classic Crews: a Harry Crews reader. A childhood: The biography of the place. N.Y.: Simon & Schuster, 2014. P. 10 (здесь и далее перевод мой. – И. М.).

южная культура, по преимуществу аграрная, патриархальная, достаточно тяжело адаптировалась к условиям урбанизированного образа жизни.

Укорененность в собственной культуре позволила писателям, рожденным в южной глубинке, представить правдивую картину реалий, сохранившихся в их родном регионе.

Это объясняет чувства героев-южан при соприкосновении с городом. Как, например, показывает Ф. О'Коннор в рассказе «Судный день», где герой (Тэннер) мечтает вернуться домой любой ценой: «главное – добраться, а уж живым или мертвым – это как Бог даст»³. Герою не дает жить «смердящий нью-йоркский воздух», он чувствует себя там чужим: «там, у себя, он хоть и жил в хибаре, так зато мог дышать. И мог ходить по земле. И она (дочь) здесь даже и живет-то не в доме. Понатыкали в небо голубятен»⁴.

Так что с уверенностью можно сказать, что общим местом рождения и писателя южной готики, и самого феномена является настоящая американская глубинка, как с точки зрения удаленности от центра, городской цивилизации, так и с точки зрения консервативности мышления.

Вторым отличительным признаком готики, по мнению Уолша, является система персонажей. «Во-вторых, – корзина. Корзина этого велосипеда полна живых персонажей. Ученые не раздумывая называют их “гротескными”, поскольку они часто исковерканы, нетерпимы, жестоки, но перо южного автора обрисовывает их сочувственно и правдиво <...>. Это не гротеск. Это тяжелый труд и тяжелая жизнь, эти герои просто отмечены физическими шрамами, которые многие из нас носят внутри <...>. Вся южная готика без исключений создает персонажей громких и ясных»⁵.

Вспомним этих «громких и ясных» персонажей, созданных корифеями южной готики. Одни персонажи отмечены ментальной болезнью, как Бенджи Компсон из «Шума и ярости», Аик Сноупс из «Деревушки», Дарл из «Когда я умирала» Фолкнера, Люсинел Крейтер из «Береги чужую жизнь – спасешь свою!» Флэннери О'Коннор, другие – физическими недостатками, например, – безногая Джой/Хулга из рассказа «Хорошие деревенские люди» той же О'Коннор, искалеченный Робинсон в «Убить пересмешника» Харпер Ли, чья рука застряла в волокноотделителе, когда ему

³ О'Коннор Ф. Судный день. М.: Азбука, 2005. URL: <https://predanie.ru/book/216986-na-vershine-vse-tropy-shodyatsya/#/toc11> (дата обращения 15.02.2024).

⁴ Ibid.

⁵ Walsh M.O. Op. cit.

было 12 лет, немые герои романа Карсон Маккаллерс в «Сердце, одинокий охотник» и тому подобные персонажи, определенно являющиеся неким «Иным», «Другим», подвергающимся жестокому обращению, пренебрежению, а часто и насилию со стороны своих семьи и общины. Однако они изображены так, чтобы вызвать симпатию к героям повествования и откровенно призывая к сочувствию. Флэннери О'Коннор по этому поводу с присущей ей иронией как-то сказала: «Всякий раз, когда меня спрашивают, почему южные писатели особенно любят писать об уродцах, я отвечаю, что это потому, что мы все еще можем их распознать»⁶.

Однако истина кроется в том, что южные писатели искренне сочувствуют своим героям и воспринимают их уродство как явленные всем травмы души человеческой. Думается, одним из ярких примеров, раскрывающих эту мысль, является эпизод в автобиографическом повествовании Гарри Крюза:

«Мне кажется, я знаю, почему, и я знаю, когда я начал любить уродцев. Как-то я арендовал угол у одних уродцев, мужа и жены, и однажды, проснувшись утром, увидел их в конце трейлера на кухне. Они тихо стояли в тусклом желтом свете спиной друг к другу. Я не мог различать их лиц, но был достаточно близко, чтобы отчетливо слышать их разговор.

– Что у нас на ужин, дорогая?! – спросил он.

– Фрэнкс энд бинс, с небольшой порцией свежего салата, – ответила она.

А затем они повернулись друг к другу, освещенные бледным желтым светом. У леди была борода, почти такая же густая, как моя собственная, около трех дюймов длиной и очень черная. У мужчины была заячья губа. Его лицо разделял раздваивающийся кверху нос, так, что его глаза были расположены почти по разные стороны головы, а посередине был третий, да и не глаз вовсе, а подобие фальшивого века над ничего не видящим круглым выступом. <...> Они поцеловались. Их губы соприкоснулись, я услышал, что они что-то прошептали друг другу, и он вышел. А я, лежа в конце трейлера, уже никогда не был прежним. <...> Я никогда не забывал, как чудесны и особенны были эти люди, и они тоже говорили о том, нуждались в том и мечтали о том, о чем говорят, нуждаются и мечтают все остальные. Он мог бы быть обычным мужем с любой работой. Просто так случилось, что у него

⁶ O'Connor F. Some aspects of the grotesque in Southern literature. URL: [/www.themarginalian.org/2014/03/25/flannery-o-connor-grotesque-reading/#:~:text=Whenever%20I'm%20asked%20why,%2C%20in%20the%20main%2C%20theological](http://www.themarginalian.org/2014/03/25/flannery-o-connor-grotesque-reading/#:~:text=Whenever%20I'm%20asked%20why,%2C%20in%20the%20main%2C%20theological) (дата обращения 15.02.2024).

было это разделенное надвое лицо. Это не какое-то там поразительное откровение, я знаю, но это одно из тех, что отвергается большинством из нас, потому что у нас есть это слово “нормальный”, и мы можем сказать, что мы нормальные, потому что психологическое, сексуальное или душевное отклонение – при наличии небольшой удачи – может быть хорошо спрятано от остального мира»⁷.

Подобно другим мастерам южной готики, Крюз исследует секреты, лежащие в основе индивидуальной жизни, и напоминает нам, что нужно смотреть и слушать внимательно, проявлять сострадание, прочувствовать каждого из своих исковерканных жестоким случаем или жестокой наследственностью героев. При этом Крюз, как и каждый южный писатель, проявляет не просто способность к эмпатии. Как говорила Ф. О'Коннор, определяя специфику гротеска в южной литературе, «южный писатель со всех сторон вынужден смотреть дальше поверхности, за пределы простых проблем, пока не коснется той сферы, которая волнует пророков и поэтов»⁸.

Третьей особенностью Уолш считает неповторимый южный язык. «В-третьих – индикаторы. Яркие индикаторы на руле велосипеда – это язык. Южных авторов отличает уникальная связь с устной традицией историй, рассказанных на веранде, они находят особое удовольствие в построении ярких предложений <...>. В конце концов, мы чувствуем, что если не можем развлечь родственников, потягивающих бурбон, то стоит ли рассчитывать, что удастся развлечь трезвого незнакомца? Это очевидно в диалогах, написанных южнотетическими авторами, которые наделяют своих героев манерой речи мудрой, но лишенной нравоучительности»⁹.

Самым ярким примером таких речей Уолш считает фразу Изгоя из рассказа Ф. О'Коннор «Хорошего человека найти нелегко» – “She would have been a good woman if it had been somebody there to shoot her every minute of her life” («Она бы была хорошей женщиной, если б в нее стреляли каждую минуту ее жизни»). Отчасти грамматическое несовершенство, отчасти наивная и откровенно циничная мудрость этой фразы, по мнению Уолша, демонстрирует типично южный ее характер. Язык южного повествования не подстраивается под требования грамматики и лексики не только в начале своего функционирования в романах первых представителей южной готики 20–30-х годов XX в., но и в современном романе также. Так говорит глубинка, и это, действительно, яркий индикатор южного

⁷ *Crews H.* Op. cit. P. 13.

⁸ *O'Connor F.* Some aspects of the grotesque...

⁹ *Walsh M.O.* Op. cit.

повествования: *y'all* вместо *you all*, *chillins* вместо *children*, *I reckon* вместо *I think* и т. д.

Не только акцент и типично южная лексика указывают на южность, но и знаменитый сказ, южная манера повествования, которая в своей лаконичности подражает живой речи человека, рассказывающего свою историю несколько отстраненно, размеренно, подмечая мелкие детали, передавая тонкие чувственные оттенки. Попутно заметим, что именно такие языковые особенности предоставляют весьма трудную задачу перед переводчиками произведений американских писателей-южан.

«Четвертое, говорит Уолш, – переднее колесо. Переднее колесо – это ландшафт. Поскольку это первая часть приближающегося велосипеда, которую мы видим, это также первое, с чем сталкивается читатель, входя в эти романы: бородатый испанский мох, пыльные гравийные дороги, стерня на хлопковых полях. Мир природы живой и цветущий в южной художественной литературе и считается готическим из-за своего всепроникающего влияния на персонажей и их действия. И это правда: жара американского юга действительно угнетает, и все, у кого есть рот, как здесь говорят, может укунить. Однако в конечном итоге именно благоговение писателя перед миром природы отличает эти романы <...>. Пейзажи южной готики – это песня, которую поют авторы, и их восхищение передается читателям»¹⁰.

Соглашаясь в целом с Уолшем, отметим тем не менее, что это благоговение перед природой Юга в готическом повествовании часто сопрягается с ностальгическим настроением. Благоухающий Юг из южного мифа все более отдален от действительности, оставаясь лишь в памяти старшего поколения. Так, например, Бабушка, героиня рассказа К. Портер «Источник», мечтая вернуться в родные края, представляет себе, как она, теперь уже городская жительница, пройдет под сенью фруктового сада, любясь свежими персиками.

В другом ее рассказе, «Передышка», героиня, желая сбежать от проблем, обрушившихся на нее, ищет места, где «все просто и мило», где цветут персиковые сады, погода всегда стоит замечательная. Однако реальность далека от воображаемого ландшафта, что очевидно уже на вокзале: «Маленький грязный поезд дополз до захолустной станции и выбросил (ее), словно посылку, на мокрую платформу» [Портер 2004]. Вместо теплого солнца и ярких красок девушка видит совсем другие пейзажи, что заставляет сменить ностальгическое настроение противоположным чувством тягучей

¹⁰ Ibid.

тоски с парадоксальным проблеском надежды, пронизывающим все тексты южной готики: «Ветер хлещет в лицо, вокруг запустение, все тонет в грязи <...>. Бурные размокшие поля уходили вспять по обеим сторонам проселка, щетинясь подгнившей за зиму стерней, готовой кануть в небытие и снова обратиться в землю. Рядом по краю поля тянулись голые перелески. Сейчас они хороши были лишь тем, что предвещали весну, – мне претила их унылость, но было отрадно подумать, что где-то там, за ними, может открыться нечто иное, на самом деле прекрасное – прочерк реки, зажатой в своих берегах, поля в первозданной нагоде, уже вспаханные, готовые принять в себя семя»¹¹.

Возвращаемся к Уолшу: «Далее заднее колесо. Колесо, которое приводит в движение этот велосипед, – это насилие. Почти все южные готические романы вращаются вокруг него. Для одних это изнасилование, для других убийство, а для многих – жестокая природа Бога, видимая в разливах рек и ураганах <...>. Это не тихие и домашние драмы, хотя действие их может происходить в тихих городках. Вместо этого на карту поставлены жизни людей так же, как и жизни читателей с момента, когда они каждое утро открывают глаза, до момента, когда они их закрывают»¹².

Как правило, в южнотическом романе можно обнаружить все виды сцен садизма, извращенного секса, психологических надрывов, одержимости персонажей идеями смерти и разрушения. Все это считается, по определению Р. Хейлмана, проявлениями «элементального дионисийского» начала, приносящего в произведения дух мистицизма, гротескные образы и ситуации, характеризующие южное повествование [Heilman 1978].

Безусловно, в творчестве разных писателей эти мотивы и их частные проявления описываются по-разному и степень этого дионисийского начала неодинакова. Так, например, в романах Томаса Вулфа или Кэтрин Портер жестокость и насилие – фон, создающий настроение одинокого и беспомощного героя, а у Уильяма Фолкнера и Флэннери О'Коннор насилие становится неотъемлемым атрибутом южной жизни, вокруг которого зачастую строится сюжет. Но какой бы ни была функция стихийного начала в текстах, она всегда требует от писателя недюжинного таланта, умения и чувства меры, чтобы не впасть в вызывающий натурализм. Во многом мотив насилия и безудержной вездесущей жестокости гармонизирует тот са-

¹¹ *Портнер К.* Источник // Иудино дерево в цвету: Рассказы. М.: Текст, 2004. URL: https://litmir.club/br/?b=589703&p=20#section_11 (дата обращения 10.02.2024).

¹² *Walsh M.O.* Op. cit.

мый индикатор на руле – орнаментальность текста, музыкальность и отточенность фразы, отличающие знаменитый южный сказ.

«И наконец, – заключает Уолш, – рама и цепь. То, что превращает механизм в единое целое и позволяет ему двигаться, это мучительная история американского Юга. Обойти это невозможно. От рабства и предрассудков, гражданской войны и законов Джима Кроу – у американского Юга прошлое, полное непростительного уродства. Однако это еще не вся история и это не то, на чем стоит южная литература. Главное – это именно тот тип героя, который создало это прошлое, что сохраняет актуальность и популярность южной литературы, и этот герой-аутсайдер. Говорят, каждый человек является героем своей собственной жизненной истории, но правильнее было бы сказать, что каждый человек является аутсайдером своей собственной жизненной истории. И хотя гражданская война уже давно позади, американский Юг все еще страдает от своего прошлого практически во всех мыслимых отношениях, будь то уровень бедности или развал системы образования»¹³.

Настроение такого героя-аутайдера выразил один из самых запоминающихся южных персонажей – Аттикус Финч из знаменитого романа Х. Ли «Убить пересмешника»: «То, что нас обыграли еще за сто лет до того, как мы начали, еще не повод не пытаться победить»¹⁴.

По мнению Уолша, это определение менталитета аутайдера и стержень великой литературы. И с этим трудно не согласиться. Именно такой герой, как представляется, и делает эту литературу интересной не только самим южанам, но и самому широкому читателю. Поэтому напрасны опасения О'Коннор, написавшей в свое время о том, что каждый серьезный южный писатель испытывает великий ужас, что он станет одним из региональных писателей, интересных только своему читателю¹⁵. Южная готика оказалась интересна и понятна не только самим южанам и продолжает свое развитие не только в литературе, захватывая все большее и большее пространство различных медиа.

Думается, что велосипедная метафора достаточно полно отражает самые важные специфические черты, отличающие южную готику от всех прочих готических повествований, фиксирует наличие в ней тем изоляции и маргинализации, насилия и преступ-

¹³ Ibid.

¹⁴ Lee H. To kill a mockingbird. URL: <https://giove.isti.cnr.it/demo/eread/libri/angry/mockingbird.pdf> (дата обращения 10.02.2024).

¹⁵ O'Connor F. The fiction writer and his country // *Mystery and manners* / ed. by S. and R. Fitzgerald. N.Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 1969.

ности, угнетения и дискриминации, причудливости и гротескности образов, нищеты и упадка, но самое главное, что все это объединяет – это безусловное чувство места, если говорить о специфике отношений между людьми и пространственными условиями. Это чувство или восприятие людей, делающее место особенным или уникальным, что, в свою очередь, способствует возникновению ощущения подлинной человеческой привязанности и принадлежности этому месту.

Действительно, все герои южнотических произведений привязаны к южной глубинке, маленьким тихим городкам, разваливающимся усадьбам, старым кварталам черного населения. И это не просто локус – топографически выверенная местность. Южная глубинка – скорее топос, обобщенное место разворачивания смыслов, связанных с уникальным южным опытом жизни, часто набор устойчивых фабульных формул, а также общих мотивов, проблем и сюжетов.

В своей работе «Чувство места» Ф. Стил отмечает, что специфика места формируется во времени, и пространство в южных романах есть нечто большее, чем совокупность пейзажей города или села, большее, чем просто фон действия, и имеет идеологические функции: 1) «сохранительно-описательную» (Э. Глазгоу, К. Гордон и др.); 2) «морально-историческую», когда среда определяет сознание и глубину мифологичности образа (У. Фолкнер, Т. Вулф и другие); 3) «комментирующую», характеризующую южный местный колорит в исторически-временном контексте (Ю. Уэлти, К.Э. Портер, К. Маккалерс и другие [Steele 1981]).

Специфика южной жизни на протяжении довольно длительного времени заключалась в отсутствии крупных городов, в ориентации на патриархальные жизненные ценности, провоцирующие антииндустриальные и антигородские настроения. Как отмечают сами южане, «посредством предостережений, устных историй и жизненных примеров, традиции Юга передаются из поколения в поколение. Гостеприимство, милосердие, постоянное присутствие хороших манер – все это часть традиции. Однако это только видимые формы гораздо более глубинной схемы поведения, которая лежит в самом основании южного образа жизни. Первое, это то, что человек должен активно действовать, чтобы выжить. Второе, он обязан действовать, проявляя при этом так много достоинства, насколько это возможно» [Brabant 1988, p. 110].

И хотя сейчас на Юге фиксируется активная урбанизация, тем не менее устойчивый культурный южный код по-прежнему остается незабываемым, и именно топос глубинки обеспечивает неповторимость и аутентичность южнотического повествования.

Литература

- Лотман 1999 – Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
- Brabant 1988 – *Brabant S.* Socialization for change. The cultural heritage of the white Southern woman // *Southern women*. N.Y.; Washington; London: Hemisphere Publishing Corporation, 1988. P. 103–112.
- Fiedler 1998 – *Fiedler L.* Love and death in the American novel. N.Y.: Dalkey Archive Press, 1998. 520 p.
- Goddu 1997 – *Goddu T.A.* Gothic America. Narrative, history, and nation. N.Y.: Columbia University Press, 1997. 226 p.
- Heilman 1978 – *Heilman R.B.* The ways of the world. Comedy and society. Seattle: University of Washington Press, 1978. 400 p.
- Savoy 2002 – *Savoy E.* The rise of American Gothic. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/cambridge-companion-to-gothic-fiction/rise-of-american-gothic/64FA8DE8C0CB276F7DDB94B3422C84A4> (дата обращения 14.02.2024).
- Steele 1981 – *Steele F.* The sense of place. Boston: CBI Publishing Company, 1981. 216 p.
- Wyatt-Brown 1985 – *Wyatt-Brown B.* Southern honor. Ethics and behavior in the Old South. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1982. 597 p.

References

- Lotman, Yu.M. (1999), *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Within thinking worlds. Man – Text – Semiosphere – History], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Brabant, S. (1988), “Socialization for change. The cultural heritage of the white Southern woman”, *Southern women*, Hemisphere Publishing Corporation, New York; Washington, USA, London, UK, pp. 103–112.
- Fiedler, L. (1998), *Love and death in the American novel*, Dalkey Archive Press, New York, USA.
- Goddu, T. (1997), *Gothic America. Narrative, history, and nation*, Columbia University Press, New York, USA.
- Heilman, R.B. (1978), *The ways of the world. Comedy and society*, University of Washington Press, Seattle, USA.
- Savoy, E. (2002), *The rise of American Gothic*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, available at: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/cambridge-companion-to-gothic-fiction/rise-of-american-gothic/64FA8DE8C0CB276F7DDB94B3422C84A4> (Accessed 14 Feb. 2024).
- Steele, F. (1981), *The sense of place*, CBI Publishing Company, Boston, USA.
- Wyatt-Brown, B. (1985), *Southern honor. Ethics and behavior in the Old South*, Oxford University Press, New York; Oxford, USA.

Информация об авторе

Ирина В. Морозова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irinamoro@gmail.com

Information about the author

Irina V. Morozova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaia Sq., Moscow, Russia, 125047; irinamoro@gmail.com